

• Мастера искусств о себе

Народную артистку СССР Людмилу Зыкину, наверное, знают все. Ее вокальное мастерство снискало ей поистине всенародную любовь.

Мы публикуем отрывки из ее воспоминаний, любезно предоставленных нам еженедельником «Литературная Россия».

Я уже проснулась, сон отлетел, но глаза не открываю: мне кажется, что так, с закрытыми глазами, лучше слушать бабушкин голос и, главное, вдыхать запах вкуснейшего пирога: курника, который готовят на кухне...

— Вставай, Милуша! — нараспев говорит папина мама, Василиса Дмитриевна. Только она называет меня так, а я зотракционные, и игры, и самого Деда Мороза: увидела парашютную вышку. Маленьких туда не пускали, но я подтянулась, встала на цыпочки, и меня пропустили. Прицепила на рашот, и вдруг в самый последний момент чуть не струсила: показалось, что разобьюсь. Но бояться некогда было: зря, что ли, я с таким трудом проникла на осовашихимовскую вышку?..

Красноармейцы забегали на «огонек» к девочкам — медсестрам и санитаркам. Устраивали угощение — чай да баранки, приглашали соседей. Я тоже приходила, забивалась в уголок. Грустными были те «посиделки» — назавтра молодые ребята возвращались в свои части, терялся их след.

Я ходила туда чуть ли не каждый вечер, боялась пропустить.

Как-то на «посиделках» я взяла гитару и запела. Пела и старые, бабушкины, мамини, и новые, военные: «На позицию девушка провожала бойца» и «Синий платочек». Выздоравливающая команда — первые мои слушатели и ценители — одобрила: «Подходяще поешь!»

А через несколько месяцев стало совсем не до песен — поступила я на станкостроительный. Ученицей токаря. Прибавила себе два года — иначе бы не взяла.

Дорогой мой, Московский станкостроительный имени Серго Орджоникидзе! ...Давно уже строгие столичные власти наложили запрет на фабричные гудки. А в те дни по всей окраине, от фабрики к фабрике, от завода к заводу, пели, перебивая друг друга, гудки — торжественно и чуточку тревожно.

Утро. Смена.

Тысячи людей заполняли и Донской, и Люсиновку, и Шаболовку. К остановке, гремя, подходили набитые до отказа трамваи, и редко кто не сходил у заводских ворот.

Всякое бывало. Но и сейчас, объездив полсвета, прихожу я на завод... К своим — не попутевке и не для киносъемки — по самой искренней душевной потребности. И пропуском заводским горжусь...

Скоро тридцать лет нашей Победе. И уже думаю я о новой программе — «Песни и стихи войны». Ищу хронику, бесценную хронику тех военных лет — она должна помочь нам в программе этой.

Пришел сорок пятый. Год Победы. Был в нашем клубе самодеятельный концерт, в котором я принимала участие, один из тех немногих концертов, что остаются в памяти, что оставляют след в душе.

Очень хотелось мне, шестнадцатилетней, быть красивой в тот год Победы: достала брошку, заколки — все самое простое, самое дешевое; причисывалась, бантики гладила. Подружек просила оглядеть: все ли нарядно, все ли празднично? Чувствовала какой-то озноб, волнение — все-таки победный концерт. Пела — все помню — «Познакомил нас...», «Огонек»; затем взяла гитару, исполнила «Бежал бродяга» и даже «жесточкий» романс «Вернись». Мне в голову тогда не приходило, что построила я выступление так, как могла бы, скажем, и сегодня: все жанры присутствуют — и народная песня, и советская, и романс...

В концерте том одна я представляла песню — были чтецы, танцоры, музыканты, а вокалистов не было. Это, наверное, и сыграло свою роль — заставили меня петь долго, не отпускали со сцены.

Тогда уж все определилось — и стала я ходить каждый вечер в совхозный клуб Черемушек.

Сколько сыграли концертов, поставили спектаклей — никакой выгоды не искали, считали за счастье выступать... У нас, в нашем бревенчатом черемушкинском, не было двух похожих дней — и концерты, и диспуты, и спектакли, и сценки, и танцы (под баян — радиолы не было у нас!), и ситцевый бал, и еще какой-то — чего только не выдумывали мы!.. Было у нас и кино, по-моему, и план был по выручке — но после фильма за полночь мы ренетировали!..

Мама слушала нас и иногда в шутку говорила:

— Свой хор Пятницкого...

Была она, мама моя дорогая, малограмотная, едва выучилась расписываться, но знала, что есть на свете высочайший, благороднейший образец, эталон народного пения — хор имени Пятницкого...

И когда из черной радиотарелки доносились захаровские песни, замирала она, слушала с благоговением. Хор этот и для меня — святыня...

Ни она, ни я, ни подружки мои и не думали, что когда-нибудь я, Людска Зыкина из черемушкинской самодеятельности, буду петь у самого Захарова...

Но тут начинаются новые главы жизни.

Людмила ЗЫКИНА

НАЧАЛО

ву ее по-деревенски: «Васюта, бабая Васюта».

Бабушка моя, Василиса Дмитриевна, была родом из под Скопина, из деревни Лопатино. Это неподалеку от есенинских мест, на границе «Московщины», как там говорят, и «Рязанщины». Много лет все собиралась я съездить туда, к истоку, на родину бабушки, да все не выходило: наконец поехала. Никого из знавших бабушку в деревне уже не осталось.

А была она — пещельница. Пела бабушка, как сама любила говорить, «нутром»: песня буквально клокотала внутри, хотя бабушка (голос у нее был, помню, небольшой) почти никогда не повышала голоса.

Пела она удивительно, и была песня для нее отрадой, отдушиной в трудной, порой нерадостной жизни.

Маму мою звали Екатерина Васильевна. Работала она нянечкой-санитаркой в больнице. За отца моего, Георгия — Егора по-деревенски, девятого бабушкиного сына, вышла замуж поздно, «по-городскому». Когда я родилась, маме уже было двадцать семь лет.

...Сегодня воскресенье. Мама веселая, торопится: скоро гости пожалуют. А я все пристаю к ней, не отхожу — пусть наденет любимую мою розовую кофточку: она у мамы — единственная.

Являлись вместе с отцом родственники и садились за стол. Я сижу смиренно, жду конца застолья: ведь самое интересное не сейчас — потом, когда начнут петь.

А они все не начинают, все говорят про свое, взрослое, неинтересное...

Вот скромный пир наш окончен. Пора же им запеть — я от нетерпения места себе не нахожу. Бабушка наклоняется к маме, что-то шепчет ей на ухо. Та улыбается, что-то негромко говорит отцу, и все смотрят на меня. Ну, что же они томят, не начинают, в самом-то деле?..

— А ну-ка, Милуша, давай запевай! Как я тебя учила!

Бабушка говорит мягко, ободряюще, но в то же время настойчиво.

Я даже не поняла вначале, чего от меня хотят. Как это — запевать?

Выпрямилась, напряглась. Голос у меня слабенький, тоненький, хрупкий, но я отчаянная: мама говорит — сидит в тебе какой-то чертенок, покоя не дает.

— Легко, легко запевай, — это уже мама просит, — не бойся!

Так уж получается, что вспоминаю я о доме нашем, о бабушке, о маме, о детстве — и вновь возвращаюсь в сегодня. И вот почему: некоторые мои рецензенты пишут, что в детстве обнаруживала я «стремление к сцене» и даже «предощущение своего призвания».

А все было не так.

Не сцена, не концертная эстрада манили меня тогда. Как и тысячи сверстниц моих, бредила я именами Чкалова, Молокова, Ляпиндеевского, Леваневского, Каманина и, конечно, именами героинь — летчиц — Расковой, Гризодубовой, Осипенко.

Мечтала стать летчицей, поступить в аэроклуб, водить самолет, или хотя бы планер. Как-то в школе — еще до войны — получила билет на новогоднюю елку в Центральный парк культуры и отдыха. Пришла — и сразу позабыла и атракционные, и игры, и самого Деда Мороза: увидела парашютную вышку. Маленьких туда не пускали, но я подтянулась, встала на цыпочки, и меня пропустили. Прицепила на рашот, и вдруг в самый последний момент чуть не струсила: показалось, что разобьюсь. Но бояться некогда было: зря, что ли, я с таким трудом проникла на осовашихимовскую вышку?..

Зажмурилась — и открыла глаза уже на земле.

Прягала я с вышки и с аэростата раз пять: последний — уже в войну.

Была я рослая, спортивная девочка, носила значок ГТО первой ступени — помните, еще на цепочках. Играла и в волейбол, и в футбол, и даже в хоккей. Летом с велосипеда не слезала.

Через много лет выпало мне счастье дружить с летчиками и нынешними наследниками чкаловской славы — космонавтами Юрием Гагариным, Валентиной Терешковой, Павлом Поповичем, Виталием Севастьяновым, Алексеем Леоновым, Владиславом Волковым. Они сегодня для меня воплощение той несбывшейся, далекой юношеской мечты — сестра за штурвал самолета, высоко-высоко взлететь над землей...

А пела я всегда, везде, сколько себя дружить с летчиками и нынешними наследниками чкаловской славы — космонавтами Юрием Гагариным, Валентиной Терешковой, Павлом Поповичем, Виталием Севастьяновым, Алексеем Леоновым, Владиславом Волковым. Они сегодня для меня воплощение той несбывшейся, далекой юношеской мечты — сестра за штурвал самолета, высоко-высоко взлететь над землей...

Матери некогда со мной было заниматься — жили мы трудно: мама очень уставала. Учила она меня не песням — шитью; я и сейчас науки этой не забыла. А за шитьем тихонько пела.

Отец работал до войны на заводе; все любили и уважали его.

Он тоже любил музыку и песню. Не знаю уж, как и откуда появилось у него такое богатство, только, видя, как я тянусь к музыке, к пению, он купил — в рассрочку — балалайку, банджо, какие-то дудочки, свирели...

Я выучилась играть (никто меня не учил) и на гармошке — русскую, пытаночку, страдания, все, что ни попроси, — и на струнных... Труднее всего осваивала почему-то гитару — но одолела, выучила вальс и даже... болеро. С гитарой не расстаюсь и по сей день — люблю и русский, и цыганский лад; мечтаю даже в новой программе романсов спеть под гитару на сцене...

Осталась у меня от той поры одна-разъединенная фотокартонка: косы, прямой пробор. И дата — 1941-й год...

С того памятного утра, с 22 июня, переменялась моя жизнь — война, бомбежки, заживалки, ночные дежурства. Заводской цех, а вместо обычной — школа рабочей молодежи.

Никакого особого героизма не было в этом — просто отец ушел на фронт, а иждивенческой картонки нам не хватало. Мама как была санитаркой, так и осталась.

Не буду вспоминать все подробности быта тех лет. Расскажу лишь о том, что связано с песней.

Рядом с домом нашим, у окружной железной дороги, устроили общежитие медицинских сестер и санитарок — «милосердных сестер», так называли их старые солдаты. Стояло первое, жаркое, грибное лето войны: на путях — эшелоны. В больницу, ставшую военным госпиталем, каждый день привозили раненых.